

ВЗГЛЯДЫ И ПАДЕНИЯ

КОНЦЕРТ шел вяло. Что-то невидимое, непонятное разделяло артистов и зрителей. Я был уверен, что причина кроется во мне: трудно было сосредоточиться на концерте: приемник стоял в кабинете директора, и, чтобы следить за матчем, мне приходилось непрерывно бегать со сцены в директорский кабинет и обратно. Я давний болельщик, и мне было не все равно, что делалось в Швеции. И, конечно, когда стал известен первый результат, я немедленно решил сообщить о нем зрителям.

— Товарищи! Сейчас я вам что-то расскажу... — начал я. Зрители кое-где переговаривались, предполагая, что это начало истории, которая была забавной лет шесть тому назад. — В Гетеборге сегодня играют сборные команды Англии и Советского Союза... — В зале сразу наступила тишина. — Счет пока один—ноль... Гол забил Никита Симонян.

Это свое короткое выступление я мог бы смело отнести к самым удачным. Зрители мгновенно подобрали и стали смотреть на меня ласковыми глазами. Даже самые черствые и су-

Случай на концерте

хие из них проникались ко мне симпатией.

Я стал еще быстрее носиться туда-сюда в надежде усилить актерский успех, но счет, к сожалению, не увеличивался. Все же, когда внимание к концерту ослабевало, я, изредка повторяя фразу «наши висят на английских воротах», постепенно становился любимцем публики. Наконец, наступил триумф. Я вышел перед занавесом и, отকাশлявшись (чем тоже вызвал одобрение у зрителей), сказал:

— Счет два ноль в нашу пользу!

Это было высшей эмоциональной точкой концерта. Мы достигли его — пика! Могу сказать: за всю нашу эстрадную практику нам не встречались более восторженные, более неистовые зрители. Концерт совершенно преобразился. Одна из певцов, которую однажды пытались уволить из концертной организации за профнепригодность, жалела, что в зале не было никого из

дирекции во время ее выступления.

Мастер художественного слова после своего номера, намекая на кого-то, многозначительно заметил:

— Напрасно некоторые думают, что зрители не любят мое чтение...

Прошло минут двадцать, я снова вышел перед занавесом и, оставшись со зрителями один на один, сообщил:

— Счет в нашу пользу... Два — один.

В зале недовольно загудели. Стараясь восстановить старые добрые отношения со зрителями, я стал забавлять их совсем новым репертуаром... Никто не смеялся. Из недавнего кумира я превращался в обыкновенную посредственность. Эксцентрик, выступивший после этой интермедии, вышел на поклон только один раз.

Наступили тяжелые минуты и нужно было мужаться. Когда счет стал два-два, я, заикаясь, довел об этом до сведения зрителей. Раздался коллективный, синхронный «ох», и многие лица болезненно сморщились,

словно я сказал со сцены что-то совершенно недопустимое. Конечно, мне не следовало этого говорить. Конферансье должен все-таки знать меру.

Концерт и матч шли к концу, и я молил судьбу, чтобы наша сборная не проиграла. Матч закончился вничью, и зрители, расходясь, не выражали явного недовольства.

Афанасий БЕЛОВ,
конферансье.

«СОВЕТСКИЙ СПОРТ»

15 июня 1958 г.

3 стр.